

**Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Гимназия (центр образования) г. Суворова»
(МБОУ «Гимназия (цо) г. Суворова»)**

«ЖИВАЯ КЛАССИКА»

Тексты на выбор для участия в конкурсе

**Подготовила:
учитель русского языка и литературы
Каликина Наталия Валерьевна**

г. Суворов, 2019 год

«А вдруг?» Ольга Тихомирова

С утра прошёл дождь. Алёшка прыгал через лужи и быстро – быстро шагал. Нет, он вовсе не опаздывал в школу. Просто он ещё издали заметил синюю шапочку Тани Шибановой.

Бежать нельзя: запыхаешься. А она может подумать, что бежал за ней всю дорогу.

Ничего, он и так её догонит. Догонит и скажет... Только вот что сказать? Больше недели, как поссорились. А может, взять да и сказать: «Таня, пойдём в кино сегодня?» А может, подарить ей гладкий чёрный камушек, который он привёз с моря?...

А вдруг Таня скажет: «Убери, Вертишеев, свой булыжник. На что он мне нужен?!»

Алёша сбавил, было, шаг, но, взглянув на синюю шапочку, вновь заторопился.

Таня шла себе преспокойно и слушала, как машины шуршат колёсами по мокрой мостовой. Вот она оглянулась и увидела Алёшку, который как раз перепрыгивал через лужу.

Она пошла тише, но больше не оглядывалась. Хорошо бы он догнал её возле палисадника. Они пошли бы вместе, и Таня спросила бы: «Не знаешь, Алёша, почему у одних клёнов листья красные, а у других жёлтые?» Алёшка посмотрит, посмотрит и... А может, и не посмотрит совсем, а буркнет только: «Читай, Шибанова, книжки. Тогда всё будешь знать». Ведь поссорились...

За углом большого дома была школа, и Таня подумала, что Алёшка не успеет догнать её.. Нужно остановиться. Только ведь не встанешь просто так посреди тротуара.

В большом доме был магазин «Одежда», Таня подошла к витрине и принялась рассматривать манекены.

Алёшка подошёл и встал рядом... Таня посмотрела на него и чуть улыбнулась... «Сейчас что-нибудь сказанёт»,- подумал Алёшка и, чтобы опередить Таню, проговорил:

- А-а, это ты, Шибанова.. Здравствуй...

-Привет, Вертишеев, - бросила она .

Алёшка быстро зашагал дальше, а Таня задержалась у витрины. Снова начал накрапывать дождь.

Шипилов Андрей Михайлович «Правдивая история»

Васька Петухов придумал такой приборчик, нажмешь на кнопочку, – и все вокруг только правду начинают говорить. Сделал Васька этот прибор и в школу принес. Вот заходит Марья Ивановна в класс и говорит: – Здравствуйте ребята, очень рада вас видеть! А Васька на кнопочку – раз! – А если по правде, – продолжает Марья Ивановна, – то вовсе я и не рада, с чего бы это мне радоваться! Надоели вы мне хуже горькой редьки за две четверти! Учишь вас, учишь, вкладываешь в вас душу – и никакой благодарности. Надоело! Не буду больше с вами церемониться. Чуть что – сразу пару!

А на перемене к Ваське подходит Косичкина и говорит: – Васька, давай с тобой дружить. – Давай, – говорит Васька, а сам на кнопочку – раз! – Только я с тобой не просто так собираюсь дружить, – продолжает Косичкина, а с определённой целью. Я знаю, у тебя дядя в Лужниках работает; так вот, когда "Иванушки- интернешнл" или Филипп Киркоров в очередной раз выступать будут, тогда ты меня с собой бесплатно на концерт проведешь.

Грустно Ваське стало. Ходит весь день по школе, кнопочку нажимает. Пока кнопочка не нажата – все нормально, но стоит нажать – такое начинается!..

А после уроков – новогодний вечер. Заходит в зал Дед Мороз и говорит: – Здравствуйте, ребята, я – Дед Мороз! Васька на кнопочку – раз! – Хотя, – продолжает Дед Мороз, – на самом деле я вовсе никакой не Дед Мороз, а школьный сторож Сергей Сергеевич. У школы денег нет, чтобы настоящего артиста нанять для дедморозовской роли, вот меня директор и попросил выступить за отгулы. Одно выступление – пол отгула. Только, я думаю, что прогадал, надо было мне не по половине, а по целому отгулу брать. Как считаете, ребята?

Совсем плохо на душе у Васьки сделалось. Приходит домой грустный-грустный. – Что случилось, Васька? – спрашивает мама, – совсем лица на тебе нет. – Да так, – говорит Васька, – ничего особенного, просто меня постигло разочарование в людях. – Ох, Васька, – засмеялась мама, – до чего же ты смешной; как же я тебя люблю! – Правда? – спрашивает Васька, – а сам на кнопочку – Раз! – Правда! – смеется мама. – Правда-правда? – говорит

Васька, а сам ещё сильнее на кнопку давит. – Правда-правда! – отвечает мама. – Ну, тогда вот что, – говорит Васька, – я тоже тебя люблю. Очень-очень!

«Жених из 3 Б» Постников Валентин

Вчера днём, на уроке математики, я твёрдо решил, что мне пора жениться. А что? Я уже в третий класс хожу, а невесты у меня до сих пор нет. Когда же, если не сейчас. Ещё пару лет и поезд ушёл. Вот папа мне часто говорит: В твои годы люди уже полком командовали. И это правда. Но сначала я должен жениться. Об этом я сообщил своему лучшему другу Петьке Амосову. Он со мной за одной партой сидит.

– Ты абсолютно прав, – решительно сказал Петька. – Будем тебе на большой перемене невесту выбирать. Из нашего класса.

На перемене мы с ним первым делом список невест составили и стали думать, на ком же мне из них жениться.

– Женись на Светке Федуловой, – говорит Петька.

– Почему на Светке? – удивился я.

– Чудак! Она же отличница, – говорит Петька. – Будешь у неё всю жизнь списывать.

– Нет, – говорю. – На Светке неохота. Она же зубрила. Будет меня уроки заставлять учить. Будет шнырять по квартире, как заводная и ныть противным голосом: – Учи уроки, учи уроки.

– Вычёркиваем! – решительно сказал Петька.

– А может мне на Соболевой жениться? – спрашиваю я.

– На Насте?

– Ну да. Она ведь живёт рядом со школой. Мне её провожать удобно, – говорю. – Не то, что Катька Меркулова – за железной дорогой живёт. Если я на ней женюсь, мне что же всю жизнь в такую даль таскаться? Мне мама вообще не разрешает в том районе гулять.

– Верно, – покачал головой Петька. – Но у Настинного папы машины даже нет. А вот у Машки Кругловой есть. Самый настоящий Мерседес, будете на нём в кино ездить.

– Но ведь Машка толстая.

– А ты видел когда-нибудь Мерседес? – спрашивает Петька. – Туда три Машки влезут.

– Да не в этом дело, – говорю. – Машка мне не нравится.

– Тогда давай на Ольге Бубликовой тебя женим. У неё бабушка готовит – пальчики оближешь. Помнишь, Бубликова нас бабушкиными пирожками угощала? Ох, и вкусные. С такой бабушкой не пропадёшь. Даже в старости.

– Не в пирожках счастье, – говорю.

– А в чём же? – удивляется Петька.

– Мне бы на Варьке Королёвой жениться, – говорю. – Вот это да!

– А что у Варьки? – удивляется Петька. – Ни пятёрки, ни Мерседеса, ни бабушки. Что это за жена такая?

– За то у неё глаза красивые.

– Ну, ты даёшь, – засмеялся Петька. – В жене самое главное – приданое. Это ещё великий русский писатель Гоголь сказал, я сам слышал. А что это за приданое такое – глаза? Смех, да и только.

– Ничего ты не понимаешь, – махнул рукой я. – Глаза – это и есть приданое. Самое лучшее!

На том дело и кончилось. Но жениться я не передумал. Так и знайте!

Виктор Голявкин. «Не везёт».

Однажды прихожу я домой из школы. В этот день я как раз двойку получил. Хожу по комнате и пою. Пою и пою, чтоб никто не подумал, что я двойку получил. А то будут спрашивать ещё: «Почему ты мрачный, почему ты задумчивый?»

Отец говорит:

— Что это он так поёт?

А мама говорит:

— У него, наверное, весёлое настроение, вот он и поёт.

Отец говорит:

— Наверное, пятёрку получил, вот и весело человеку. Всегда весело, когда какое-нибудь хорошее дело сделаешь.

Я как это услышал, ещё громче запел.

Тогда отец говорит:

— Ну ладно, Вовка, порадуй отца, покажи дневник.

Тут я сразу петь перестал.

— Зачем? — спрашиваю.

— Я вижу, — говорит отец, — тебе очень хочется дневник показать.

Берёт у меня дневник, видит там двойку и говорит:

— Удивительно, получил двойку и поёт! Что он, с ума сошёл? Ну-ка, Вова, иди сюда! У тебя, случайно, нет температуры?

— Нет у меня, — говорю, — никакой температуры...

Отец развёл руками и говорит:

— Тогда нужно тебя наказать за это пение...

Вот как мне не везёт!

Притча «Сделанное тобой к тебе же и вернётся»

В начале двадцатого века один шотландский фермер возвращался домой и проходил мимо болотистой местности. Вдруг он услышал крики о помощи. Фермер бросился на помощь и увидел мальчика, которого засасывала в свои жуткие бездны болотная жижа. Мальчик пытался выкарабкаться из страшной массы болотной трясины, но каждое его движение приговаривало его к скорой гибели. Мальчик кричал, от отчаяния и страха.

Фермер быстро срубил толстый сук, осторожно приблизился и протянул спасительную ветку утопающему. Мальчик выбрался на безопасное место. Его пробивала дрожь, он долго не мог унять слезы, но главное — он был спасен!

— Пойдем ко мне в дом, — предложил ему фермер. — Тебе надо успокоиться, высушиться и согреться.

— Нет-нет, — мальчик покачал головой, — меня папа ждет. Он очень волнуется, наверное.

С благодарностью посмотрев в глаза своему спасителю, мальчик убежал...

Утром, фермер увидел, что к его дому подъехала богатая карета, запряженная роскошными породистыми скакунами. Из кареты вышел богато одетый джентльмен и спросил:

— Это вы вчера спасли жизнь моему сыну?

— Да, я, — ответил фермер.

— Сколько я вам должен?

— Не обижайте меня, господин. Вы мне ничего не должны, потому что я поступил так, как должен был поступить нормальный человек.

— Нет, я не могу оставить это просто так, потому что мой сын мне очень дорог. Назовите любую сумму, — настаивал посетитель.

— Я больше ничего не хочу говорить на эту тему. До свидания. — Фермер повернулся, чтобы уйти. И тут на крыльцо выскочил его сынишка.

— Это ваш сын? — спросил богатый гость.

— Да, — с гордостью ответил фермер, поглаживая мальчика по головке.

— Давайте сделаем так. Я возьму вашего сына с собой в Лондон и оплачу его образование. Если он так же благороден, как и его отец, то ни вы, ни я не будем жалеть об этом решении.

Прошло несколько лет. Сын фермера закончил школу, потом — медицинский университет, и вскоре его имя стало всемирно известно, как имя человека, открывшего пенициллин. Его звали Александр Флемминг.

Перед самой войной в одну из богатых Лондонских клиник поступил с тяжелой формой воспаления легких сын того самого джентльмена. Как вы думаете, что спасло его жизнь в этот раз? — Да, пенициллин, открытый Александром Флеммингом.

Имя богатого джентльмена, давшего образование Флеммингу, было Рандольф Черчилль. А его сына звали Уинстон Черчилль, который

впоследствии стал премьер–министром Англии. Уинстон Черчилль как–то сказал: «Сделанное тобой к тебе же и вернется».

Шолохов М. Отрывок из повести «Судьба человека»

Из рейса, бывало, вернешься в город - понятно, первым делом в чайную: перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить с устатка. К этому

вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следует...

И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день - опять вижу. Этаким маленький оборвыш: личико все в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечесаный, а глазенки - как звездочки ночью после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нем, спешу из рейса поскорее его увидеть. Около чайной он и кормился - кто что даст.

На четвертый день прямо из совхоза, груженный хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему виду, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: "Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернемся сюда, пообедаем".

Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: "А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?" И глазенки широко раскрыл, ждет, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и все знаю.

Зашел он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уже научилась вздыхать. Его ли это дело? Опрашиваю:

"Где же твой отец, Ваня?" Шепчет: "Погиб на фронте". - "А мама?" - "Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали". - "А откуда вы ехали?" - "Не знаю, не помню..." - "И никого у тебя тут родных нету?" - "Никого". - "Где же ты ночуешь?" - "А где придется".

Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: "Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети". И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю:

"Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?" Он и спросил, как выдохнул: "Кто?" Я ему и говорю так же тихо: "Я - твой отец".

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: "Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!" Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьет, и руки трясутся..

. Как я тогда руля не упустил, диву можно дать! Но в кювет все же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошел, - побоялся ехать, как бы на кого не наскочить. Постоял так минут пять, а сыночек мой все жметесь ко мне изо всех силенок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда мне не до элеватора было.

«Заслуженная оценка» *Константин Мелихан*

Класс замер. Изабелла Михайловна склонилась над журналом и, наконец, произнесла:

— Рогов.

Все облегченно вздохнули и захлопнули учебники. А Рогов вышел к доске, почесался и почему-то сказал:

— Хорошо выглядите сегодня, Изабелла Михайловна!

Изабелла Михайловна сняла очки:

— Ну-ну, Рогов. Начинай.

Рогов шмыгнул носом и начал:

— Прическа у вас аккуратная! Не то, что у меня.

Изабелла Михайловна встала и подошла к карте мира:

— Ты что, не выучил урок?

— Да! — с жаром воскликнул Рогов. — Каюсь! Ничего от вас не скроешь!

Опыт работы с детьми — колоссальный!

Изабелла Михайловна улыбнулась и сказала:

— Ой, Рогов, Рогов! Покажи хоть, где Африка находится.

— Там, — сказал Рогов и махнул рукой за окно.

— Ну, садись, — вздохнула Изабелла Михайловна. — Тройка...

На перемене Рогов давал товарищам интервью:

— Главное — этой кикиморе про глазки запустить...

Изабелла Михайловна как раз проходила мимо.

— А, — успокоил товарищей Рогов. — Эта глухая тетеря дальше двух шагов не слышит.

Изабелла Михайловна остановилась и глянула на Рогова так, что Рогов понял: тетеря слышит дальше двух шагов.

На следующий же день Изабелла Михайловна опять вызвала к доске Рогова.

Рогов стал белым как полотно и прохрипел:

— Вы ж меня вчера вызывали!

— А я ещё хочу, — сказала Изабелла Михайловна и прищурилась.

— Эх, такая улыбка у вас ослепительная, — промямлил Рогов и затих.

— Ещё что? — сухо спросила Изабелла Михайловна.

— Ещё голос у вас приятный, — выдавил из себя Рогов.

— Так, — сказала Изабелла Михайловна. — Урок ты не выучил.

— Всё-то вы видите, всё-то вы знаете, — вяло сказал Рогов. — А зачем-то в школу пошли, на таких, как я, здоровье гробите. Вам бы к морю сейчас,

стихи писать, человека хорошего встретить...

Склонив голову, Изабелла Михайловна задумчиво водила по бумаге карандашом. Потом вздохнула и тихо сказала:

— Ну, садись, Рогов. Тройка.

«КОТИНА ДОБРОТА» Фёдор Абрамов

Николай К., по прозвищу Котя-рюмочка, в войну хватил лиха. Отец на фронте, мать умерла, и в детдом не берут: дядя родной есть. Правда, дядя инвалид, но при хорошем деле (портной), — что ему стоит сироту пригреть? Дядя, однако, сироту не пригрел, и сын *фронтовика* частенько кормился с помойки. Насобирает картофельных очисток, сварит в консервной банке па костерике у реки, в которой иной раз удастся изловить какого-нибудь пескарика, да тем и жил.

После войны Котя отслужился в армии, выстроил дом, завел семью, а потом и дядю к себе взял — *тот* к тому времени совсем одряхлел, на девятый десяток перевалило.

Дяде Котя ни в чем не отказывал. Что сам с семьей ел, то и дяде в чашку. И даже рюмочкой не обносил, ежели когда сам причащался.

— Ешь, пей, дядя! Я родню не забываю, — приговаривал всякий раз Котя.

— Не забываешь, не забываешь, Миколаюшко.

— Не обидел в части еды и питья?

— Не обидел, не обидел.

— Оприютит, значит, беспомощного старика?

— Оприютит, оприютит.

— А вот как же ты-то меня в войну не оприютит? В газетах пишут, чужих детей брали на воспитание, потому как война. Народная. Помнишь, как в песне-то пели? «Идет война народная, священная война...» А я-то тебе разве чужой?

— Ох, ох, правда твоя, Миколаюшко.

— Да ты не охай! Тогда надо было охать-то, когда я в яме помойной рылся...

Завершал Котя застольный разговор обычно слезой:

— Ну, дядюшка, дядюшка, спасибо! Отец-покойник в ноги бы тебе поклонился, ежели бы с войны вернулся. Ведь он-то думал, сын евонный, сирота горемычная, под крылом у дяди, а меня ворона своим крылом больше грела, чем дядя. Понимаешь ты это своей старой-то башкой? Ведь лоси и те от волков малых лосят всема защищают, а ты-то ведь не лось. Ты дядя родной... Эх!..

И тут уж начинал в голос голосить и старик. Ровно два месяца так изо дня в день воспитывал Котя дядю, а на третий месяц дядя повесился.

Отрывок из романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна»

Я затворил за собой дверь. Потом повернулся, смотрю — вот он, папаша! Я его всегда боялся — уж очень здорово он меня драл. Отцу было лет около

пятидесяти, и на вид не меньше того. Волосы у него длинные, нечесанные и грязные, висят космами, и только глаза светятся сквозь них, словно сквозь кусты. В лице нет ни кровинки — оно совсем бледное; но не такое бледное, как у других людей, а такое, что смотреть страшно и противно, — как рыбье брюхо или как лягва. А одежда — сплошная рвань, глядеть не на что. Я стоял и глядел на него, а он глядел на меня, слегка покачиваясь на стуле. Он осмотрел меня с головы до пяток, потом говорит:

— Ишь ты как вырядился — фу-ты ну-ты! Небось думаешь, что ты теперь важная птица, — так, что ли?

— Может, думаю, а может, и нет, — говорю я.

— Ты смотри, не очень-то груби! — Понабрался дури, пока меня не было! Я с тобой живо разделаюсь, собью с тебя спесь! Тоже, образованный стал, — говорят, читать и писать умеешь. Думаешь, отец тебе и в подметки теперь не годится, раз он неграмотный? Это всё я из тебя выколочу. Кто тебе велел набираться дурацкого благородства? Скажи, кто это тебе велел?

— Вдова велела.

— Вдова? Вот оно как! А кто это вдове позволил совать нос не в свое дело?

— Никто не позволял.

— Ладно, я ей покажу, как соваться, куда не просят! А ты, смотри, школу свою брось. Слышишь? Я им покажу! Выучили мальчишку задирать нос перед родным отцом, важность на себя напустил какую! Ну, если только я увижу, что ты околачиваешься возле этой самой школы, держись у меня! Твоя мать ни читать, ни писать не умела, так неграмотная и померла. И все твои родные так и померли неграмотные. Я ни читать, ни писать не умею, а он, смотри ты, каким франтом вырядился! Не таковский я человек, чтобы это стерпеть, слышишь? А ну-ка, почитай, я послушаю.

Я взял книжку и начал читать что-то такое про генерала Вашингтона и про войну. Не прошло и полминуты, как он хватил по книжке кулаком, и она полетела через всю комнату.

— Правильно. Читать ты умеешь. А я было тебе не поверил. Ты смотри у меня, брось задаваться, я этого не потерплю! Следить за тобой буду, франт этакий, и ежели только поймаю около этой самой школы, всю шкуру спущу! Всыплю тебе — опомниться не успеешь! Хорош сынок, нечего сказать!

Он взял в руки синюю с желтым картинку, где был нарисован мальчик с коровами, и спросил:

— Это еще что такое?

— Это мне дали за то, что я хорошо учусь. Он разодрал картинку и сказал:

— Я тебе тоже дам кое-что: ремня хорошего!

Он долго бормотал и ворчал что-то себе под нос, потом сказал:

— Подумаешь, какой неженка! И кровать у него, и простыни, и зеркало, и ковер на полу, — а родной отец должен валяться на кожевенном заводе вместе со свиньями! Хорош сынок, нечего сказать! Ну да я с тобой живо разделаюсь, всю дурь повыбью! Ишь напустил на себя важность ...

Раньше мне не больно-то нравилось учиться, а теперь я решил, что непременно буду ходить в школу, отцу назло.

«СЛАДКАЯ РАБОТА» Сергей Степанов

Мальчишки сидели за столиком во дворе и изнывали от безделья. В футбол играть - жарко, на речку идти - далеко. И так уже два раза сегодня ходили. Подошел Димка с кульком конфет. Дал каждому по конфете и сказал:

- Вот вы тут дурака валяете, а я на работу устроился.
- На какую работу?
- Дегустатором на кондитерскую фабрику. Вот работу на дом взял.
- Ты что, серьезно? - разволновались мальчишки.
- Ну вы же видите.
- А что у тебя там за работа?
- Конфеты пробую. Их ведь как делают? Высыпают в большой чан мешок сахарного песка, мешок сухого молока, потом ведро какао, ведро орехов... А если кто-то лишний килограмм орехов засыплет? Или наоборот...
- Скорее наоборот, - вставил кто-то.
- Надо же, в конце концов, попробовать, что получилось, Нужен человек с хорошим вкусом. А они уже сами не могут это есть. Не то что есть - смотреть уже не могут на эти конфеты! Поэтому у них там всюду автоматические линии. А результат несут нам, дегустаторам. Ну, мы попробуем и говорим: все нормально, можно везти в магазин. Или: а вот сюда неплохо бы добавить изюм и сделать новый сорт под названием "Зю-зю".
- Ух ты, здорово! Димка, а ты спроси, не нужны им еще дегустаторы?
- Я спрошу.
- Я бы на участок шоколадных конфет пошел. Я в них хорошо разбираюсь.
- А я и на карамели согласен. Димка, а зарплату там платят?
- Нет, только конфетами расплачиваются.
- Димка, а давай мы сейчас новый сорт конфет придумаем, а ты им завтра предложишь!

Подошел Петров, постоял немного рядом и сказал:

- Кого вы слушаете? Мало он вас обманывал? Димка, признайся: лапшу на уши вешаешь!
- Вот ты всегда такой, Петров. Придешь и все испортишь. Помечтать не дашь.

Иван Якимов «Странная процессия»

Осенью на Настасею-овчарницу, когда кормили по дворам пастухов – благодарили за то, что они скот сберегли, - пропал у Митрохи Ванюгина баран. Поискал, поискал Митроха, нет нигде барана, хоть убей. Стал ходить по домам и дворам. У пяти хозяев побывал, а потом направил стопы к

Макриде и Епифану. Заходит, а они всей семьёй суп жирный из баранины хлебают, только ложки мелькают.

- Хлеб-соль, - говорит Митроха, косясь на стол.

- Проходи, Митрофан Кузьмич, гостем будешь. Садись суп с нами хлебать, - приглашают хозяева.

- Спасибо. Никак, барана зарезали?

- Слава богу, зарезали, хватит ему жир копить.

- А я ума не приложу, куды мог запропаститься баран,- вздохнул Митроха и, помолчав спросил: - К вам он не попал случайно?

- А может, и попал, надо поглядеть в хлеве.

- А может и под нож попал? – сощурил глаза гость.

- Может и под нож попал, - ничуть не смутившись, отвечает хозяин.

- Ты не шути, Епифан Аверьянович, вы ведь не в темноте, чай, резали барана, должны отличить своего от чужого.

- Да эти бараны все серые, как волки, дак кто их разберёт, высказалась Макрида.

- Кажите шкуру. Я своего барана кряду узнаю.

Хозяин несёт шкуру.

- Ну точно, мой баран-то!- рванулся с лавки Митроха.- На спине вот чёрное пятно, а на хвосте, гляньте, шерсть подпалена: Манёха слепая, лучиной подпалила, когда поила . - Что ж это получается, **гребёж** среди бела дня?

- Не нарочно мы, прости, Кузьмич. У самых дверей стоял он окоянный, кто ж его знал, что он твой, - пожимают хозяева плечами.- Не говори уж, ради бога никому. Забирай нашего барана и делу конец.

- Нет, не конец! – запрыгал Митроха. – Ваш баран заморыш, ягнёнок против моего. Вертайте моего барана!

- Да как его вернёшь, коли он наполовину съеден? – недоумевают хозяева.

- Вертайте всё, что осталось, за остальное деньги платите.

Через час от дома Макриды и Епифана к дому Митрохи на глазах у всей деревни двигалась странная процессия.. Впереди шёл, припадая на правую ногу, Епифан с бараньей шкурой под мышкой, за ним важно вышагивал Митроха с мешком баранины на плече, а замыкала шествие Макрида. Она семенила с чугуном на вытянутых руках - несла недоеденный суп из Митрохиного барана. Баран, хоть и в разобранном виде, но снова вернулся к хозяину.

«Бобик в гостях у Барбоса» Н. Носов

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

- А что это у вас за пила?

- Какая пила! Это гребешок.

- А для чего он?

- Эх ты! - сказал Барбос. - Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причесываться.

- Как это - причесываться?

Барбос взял гребешок и стал причесывать у себя на голове шерсть:

- Вот смотри, как надо причесываться. Подойди к зеркалу и причешись.

Бобик взял гребешок, подошел к зеркалу и увидел в нем свое отражение.

- Послушай, - закричал он, показывая на зеркало, - там собака какая-то!

- Да это ведь ты сам в зеркале! - засмеялся Барбос.

- Как - я? Я ведь здесь, а там другая собака. Барбос тоже подошел к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

- Ну вот, теперь их уже двое!

- Да нет! - сказал Барбос.- Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

- Как неживые? - закричал Бобик. - Они же ведь двигаются!

- Вот чудак! - ответил Барбос.- Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа! - Верно, похожа! - обрадовался Бобик. Точь-в-точь как ты!

- А другая собака похожа на тебя.

- Что ты! - ответил Бобик. - Там какая-то противная собака, и лапы у нее кривые.

- Такие же лапы, как у тебя.

- Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-то двух собак и думаешь, я тебе поверю, - сказал Бобик.

Он принялся причесываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеется:

- Глянь-ка, а этот чудак в зеркале тоже причесывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошел в сторону.

Виктор Драгунский «Шиворот- навыворот»

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы все вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были

во всех делах главные и взрослые должны были бы их во всем, во всем слушаться. В общем, чтобы взрослые были как дети, а дети как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень было бы интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею как хочу, да и папе небось тоже бы «понравилось», а о бабушке и говорить нечего. Что и говорить, я все бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот еще новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! — И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: — Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Все решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!»

И тут вошел бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

«Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мой руки сейчас же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щеткой три и не жалея мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти! Где ножницы? Не дергайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу».

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

«Ну как поживаешь?»

А она бы сказала тоже тихонько:

«Ничего, спасибо!»

А я бы немедленно:

«Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты мое!»

И они сидели бы у меня как шелковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул руками и заголосил:

«Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку! Каков вид! Пальто распахнуто, шапка на затылке! Щеки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла! А это что за грязная палка? Ты зачем ее в дом приволокла? Что? Это клюшка! Убери ее сейчас же с моих глаз — на черный ход!»

Тут я бы прошелся по комнате и сказал бы им всем троим:

«После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!»

Конечно, они бы сейчас же заныли и захныкали:

«И мы с тобой! И мы тоже хотим в кино!»

А я бы им:

«Нечего, нечего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк водил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Натяните вам вот тридцать копеек на мороженое, и все!»

Тогда бы бабушка взмолилась:

«Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребенок может провести с собой одного взрослого бесплатно!»

Но я бы увильнул, я сказал бы:

«А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещен. Сиди дома, гулена!»

И я бы прошелся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, и я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого еще хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы...

Но я не успел придумать, что бы я сказал, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

— Ты еще сидишь. Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож? Вылитый Кощей!

Джанни Родари

«Вопросы наизнанку»

Жил-был один мальчик, который целые дни только и делал, что приставал ко всем с вопросами. В этом, конечно, нет ничего плохого, напротив, любознательность - дело похвальное. Но беда в том, что на вопросы этого мальчика никому не удавалось ответить.

Например, приходит он однажды и спрашивает:

- Почему у ящиков есть стол?

Конечно, люди только удивленно открывали глаза или на всякий случай отвечали:

- Ящики служат для того, чтобы в них что-нибудь класть. Ну, скажем,

обеденные приборы.

- Я знаю, зачем ящики. А вот почему у ящиков есть столы?

Люди качали головами и спешили уйти. В другой раз он спрашивал:

- Почему у хвоста есть рыба?

Или еще:

- Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти, потому что у всех были свои дела.

Мальчик подрастал, но по-прежнему оставался почемучкой, и не простым, а почемучкой наизнанку. Даже став взрослым, он ходил и приставал ко всем с вопросами. Само собой понятно, что никто, ни один человек, не мог на них ответить. Совсем отчаявшись, почемучка наизнанку удалился на вершину горы, построил себе хижину и придумывал там на свободе все новые и новые вопросы. Придумывал, записывал их в тетрадку, а потом ломал голову, стараясь найти ответ. Однако ни разу в жизни он не ответил ни на один из своих вопросов.

Да и как было ответить, если в тетрадке у него было написано: "Почему у тени есть сосна?" "Почему облака не пишат писем?" "Почему почтовые марки не пьют пива?" От напряжения у него начались головные боли, но он не обращал на это внимания и все придумывал и придумывал свои бесконечные вопросы. Мало-помалу у него отросла длинная борода, но он даже не думал ее подстригать. Вместо этого он придумал новый вопрос: "Почему у бороды есть лицо?"

Одним словом, это был чудака, каких мало. Когда он умер, один ученый стал исследовать его жизнь и сделал удивительное научное открытие. Оказалось, что этот почемучка с детства привык надевать чулки наизнанку и надевал их так всю жизнь. Ни разу ему не удавалось надеть их как полагается. Поэтому-то он до самой смерти не мог научиться задавать правильные вопросы.

А посмотри-ка на свои чулки, верно ли ты их надел?

«ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ПОЛКОВНИК» О. Генри

Солнце ярко светит и птицы весело поют на ветвях. Во всей природе разлиты мир и гармония. У входа в небольшую пригородную гостиницу сидит приезжий и, тихо покуривая трубочку, ждет поезда.

Но вот высокий мужчина в сапогах и в шляпе с широкими, опущенными вниз полями выходит из гостиницы с шестизарядным револьвером в руке и стреляет. Человек на скамье скатывается с громким воплем. Пуля оцарапала ему ухо. Он вскакивает на ноги в изумлении и ярости и орет:

- Почему вы в меня стреляете?

Высокий мужчина приближается с широкополой шляпой в руке, кланяется и говорит:

- Пошу п'ощения, сэ'. Я полковник Джэй, сэ', мне показалось, что вы оско'бляете меня, сэ', но вижу, что я ошибся. Очень 'ад, что не убил вас, сэ'.

- Я оскорбляю вас - чем? - вырывается у приезжего. - Я не сказал ни единого слова.

- Вы стучали по скамье, сэ', словно хотели сказать, что вы дятел, сэ', а я - п'инадлежу к д'угой по'оде. Я вижу тепе'ь, что вы п'осто выколачивали пепел из вашей т'убки, сэ'. Пошу у вас п'ощения, сэ', а также, чтобы вы пошли и де'нули со мной по стаканчику, сэ', дабы показать, что у вас нет никакого осадка на душе п'отив джентльмена, кото'ый п'инес вам свои извинения, сэ'.

«ПАМЯТНИК СЛАДКОГО ДЕТСТВА» О.Генри

Он был стар и слаб, и песок в часах его жизни почти истек. Он двигался неверными шагами вдоль одной из самых фешенебельных улиц Хаустона.

Он оставил город двадцать лет тому назад, когда последний был немногим больше влачащей полунищее существование деревни, и теперь, устав странствовать по свету и полный мучительного желания поглядеть еще раз на места, где протекало его детство, он вернулся и нашел, что шумный деловой город вырос на месте дома его предков.

Он тщетно искал какой-нибудь знакомый предмет, могущий напомнить ему минувшие дни. Все изменилось. Там, где стояла хижина его отца, высились стены стройного небоскреба; пустырь, где он играл ребенком, был застроен современными зданиями. По обе стороны расстилались великолепные лужайки, подбегавшие к роскошным особнякам.

Внезапно, с радостным криком, он бросился вперед с удвоенной энергией. Он увидел перед собой - нетронутый рукой человека и неизменяемый временем - старый знакомый предмет, вокруг которого он бегал и играл ребенком.

Он простер руки и кинулся к нему с глубоким вздохом удовлетворенности.

Позже его нашли спящим с тихой улыбкой на лице на старой мусорной куче посередине улицы - единственном памятнике его сладкого детства!

Эдуард Успенский «Весна в Простоквашино»

Однажды Дяде Фёдору в Простоквашино посылка пришла, а в ней письмо лежало:

«Дорогой дядя Фёдор! Пишет тебе твоя любимая тётя Тамара, бывший полковник Красной Армии. Тебе пора заняться сельским хозяйством – как для воспитательности, так и для урожая.

Морковь надо сажать по стойке «смирно». Капусту – в шеренгу через одного.

Тыкву – по команде «вольно». Желательно около старой помойки. Тыква всю помойку «высосет» и станет огромной. Подсолнух хорошо растёт подальше от забора, чтобы его не съели соседи. Помидоры надо сажать прислонёнными к палкам. Огурцы и чеснок требуют постоянного удобрения.

Это я всё прочитала в уставе сельскохозяйственной службы.

Семена я покупала стаканами на рынке и все ссыпала в один мешочек. Но ты на месте разберёшься.

Не увлекайся гигантизмом. Помни о трагической участи товарища Мичурина, который погиб, упав с огурца.

Всё. Мы всей семьёй тебя целуем».

От такой посылки дядя Фёдор пришёл в ужас.

Он отобрал себе несколько семечек, которые хорошо знал. Он посадил на солнечном месте семечки подсолнуха. Посадил около помойки семечки тыквы. И всё. Скоро у него всё выросло вкусное, свежее, как в учебнике.

Марина Дружинина. «ЗВОНИТЕ, ВАМ СПОЮТ!»

В воскресенье мы пили чай с вареньем и слушали радио. Как всегда в это время, радиослушатели в прямом эфире поздравляли своих друзей, родственников, начальников с днём рождения, днём свадьбы или ещё с чем-нибудь знаменательным; рассказывали, какие они расчудесные, и просили исполнить для этих прекрасных людей хорошие песни.

— Ещё один звонок! — в очередной раз ликующе провозгласил диктор. — Алло! Мы слушаем вас! Кого будем поздравлять?

И тут... Я ушам своим не поверил! Раздался голос моего одноклассника Владьки:

— Это говорит Владислав Николаевич Гусев! Поздравляю Владимира Петровича Ручкина, ученика шестого класса «Б»! Он получил пятёрку по математике! Первую в этой четверти! И вообще первую! Передайте для него лучшую песню!

— Замечательное поздравление! — восхитился диктор. — Мы присоединяемся к этим тёплым словам и желаем уважаемому Владимиру Петровичу, чтобы упомянутая пятёрка была не последней в его жизни! А сейчас — «Дважды два — четыре»!

Заиграла музыка, а я чуть чаем не поперхнулся. Шутка ли — в честь меня песню поют! Ведь Ручкин — это я! Да ещё и Владимир! Да ещё и Петрович! И вообще, в шестом «Б» учусь! Всё совпадает! Всё, кроме пятёрки. Никаких пятёрок я не получал. Никогда. А в дневнике у меня красовалось нечто прямо противоположное.

— Вовка! Неужели ты пятёрку получил?! — Мама выскочила из-за стола и бросилась меня обнимать-целовать. — Наконец-то! Я так мечтала об этом! Что же ты молчал? Скромный какой! А Владик-то — настоящий друг! Как за тебя радуется! Даже по радио поздравил! Пятёрочку надо отпраздновать! Я испеку что-нибудь вкусное! — Мама тут же замесила тесто и начала лепить пирожки, весело напевая: «Дважды два — четыре, дважды два — четыре». Я хотел крикнуть, что Владик — не друг, а гад! Всё врёт! Никакой пятёрки не было! Но язык совершенно не поворачивался. Как я ни старался. Уж очень мама обрадовалась. Никогда не думал, что мамина радость так действует на мой язык!

— Молодец, сынок! — замахал газетой папа. — Покажи пятёрочку!

— У нас дневники собрали, — соврал я. — Может, завтра раздадут, или послезавтра...

— Ну ладно! Когда раздадут, тогда и полюбуемся! И пойдём в цирк! А сейчас я сбегая за мороженым для всех нас! — Папа умчался как вихрь, а я кинулся в комнату, к телефону.

Трубку снял Владик.

— Привет! — хихикает. — Радио слушал?

— Ты что, совсем очумел? — зашипел я. — Родители тут голову потеряли из-за твоих дурацких шуток! А мне расхлёбывать! Где я им пятёрку возьму?

— Как это где? — серьёзно ответил Владик. — Завтра в школе. Приходи ко мне прямо сейчас уроки делать.

Скрипя зубами, я отправился к Владу. А что мне ещё оставалось?..

В общем, целых два часа мы решали примеры, задачи... И всё это вместо моего любимого триллера «Арбузы-людоеды»! Кошмар! Ну, Владька, погоди!

На следующий день на уроке математики Алевтина Васильевна спросила:

— Кто хочет разобрать домашнее задание у доски?

Владик ткнул меня в бок. Я ойкнул и поднял руку.

Первый раз в жизни.

— Ручкин? — удивилась Алевтина Васильевна. — Что ж, милости просим!

А потом... Потом случилось чудо. Я всё решил и объяснил правильно. И в моём дневнике заалела гордая пятёрка! Честное слово, я даже не представлял, что получать пятёрки так приятно! Кто не верит, пусть попробует...

В воскресенье мы, как всегда, пили чай и слушали передачу «Звоните, вам споют». Вдруг радиоприёмник опять затараторил Владькиным голосом:

— Поздравляю Владимира Петровича Ручкина из шестого «Б» с пятёркой по русскому языку! Прошу передать для него лучшую песню!

Чего-о-о-о?! Только русского языка мне ещё не хватало! Я вздрогнул и с отчаянной надеждой посмотрел на маму — может, не расслышала. Но её глаза сияли.

— Какой же ты у меня умница! — счастливо улыбаясь, воскликнула мама.

Марина Дружинина рассказ «Гороскоп»

Учительница вздохнула и раскрыла журнал.

- Ну что ж, «дерзайте ныне ободрённые»! А точнее, Ручкин! Перечисли птиц, пожалуйста, которые живут на опушках леса, на открытых местах.

Вот так номер! Этого я никак не ожидал! Почему я? Меня сегодня не должны вызывать! Гороскоп обещал «всем Стрельцам, а стало быть мне, невероятного везения, безудержного веселья и стремительного взлёта по служебной лестнице».

Может передумает Мария Николаевна, но она выжидающе смотрела именно на меня. Пришлось встать.

Только вот что говорить — я понятия не имел, ведь уроки то я не учил — поверил гороскопу.

- Овсянка! — зашептал мне в спину Редькин.

- Овсянка! — машинально повторил я, не слишком доверяя Петьке.

- Правильно! — обрадовалась учительница. — Есть такая птичка! Давай дальше!

«Молодец Редькин! Правильно подсказал! Всё - таки везучий у меня сегодня день! Гороскоп не подвёл!» - радостно пронеслось у меня в голове, и я уже без всяких сомнений на одном дыхании выпалил вслед за спасительным Петькиным шёпотом:

- Пшёнка! Манка! Гречка! Перловка!

Взрыв хохота заглушил «перловку». А Мария Николаевна укоризненно покачала головой:

--Ручкин, ты, наверное, очень любишь каши. Но при чём тут птицы? Садись! «Два»!

Я прямо-таки закипел от негодования. Я показал

Редькину кулак и начал думать, как ему отомстить. Но возмездие немедленно настигло злодея без моего участия.

- Редькин, к доске!- скомандовала Мария Николаевна. – Ты, кажется, что-то нашёптывал Ручкину ещё и про пельмешки, окрошку. Это тоже, по-твоему, птицы открытых мест?

- Да нет!- ухмыльнулся Петька. – Это я пошутил.

- Неправильно подсказывать – подло! Это гораздо хуже, чем не выучить урок! – возмутилась учительница. – Надо будет поговорить с твоей мамой. А сейчас назови птиц - родственников вороны.

Наступила тишина. Редькин явно был не в курсе.

Владику Гусеву стало жалко Петьку, и он зашептал:

-Грач, галка, сорока, сойка...

Но Редькин, видимо, решил, что Владик мстит ему за своего друга, то есть за меня, и подсказывает неправильно. Каждый ведь по себе судит – я читал об этом в газете... В общем, Редькин махнул Владику рукой: мол, замолчи, и объявил:

- У вороны, как и у любой другой птицы, есть большая родня. Это мама, папа, бабушка – старая ворона, - дедушка...

Тут мы прямо-таки завывали от хохота и попадали под парты. Что и говорить, безудержное веселье удалось на славу! Даже двойка не испортила настроения!

- Это всё?! – грозно спросила Мария Николаевна.

- Нет, не всё! – не унимался Петька.- У вороны есть ещё тёти, дяди, сёстры, братья, племянники...

- Хватит! – закричала учительница.- «Два» И чтоб завтра же в школу пришла вся твоя родня! Ох, что я говорю!... Родители!

(Мартынов Алёша)

1. Виктор Голявкин. «Как я под партой сидел» (Воликов Захар)

Только к доске отвернулся учитель, а я раз — и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, — вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу. «Когда же, — думаю, — он увидит, что меня в классе нет?» А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я — никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю: — Извините, Пётр Петрович...

Учитель спрашивает:

— В чём дело? Ты к доске хочешь?

— Нет, извините меня, я под партой сидел...

— Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

3. Рассказ «Находка» М. Зощенко

Однажды мы с Лелей взяли коробку от конфет и положили туда лягушку и паука.

Потом мы завернули эту коробку в чистую бумагу, перевязали её шикарной голубой ленточкой и положили этот пакет на панель против нашего сада. Как будто бы кто-то шёл и потерял свою покупку.

Положив этот пакет возле тумбы, мы с Лелей спрятались в кустах нашего сада и, давась от смеха, стали ждать, что будет.

И вот идёт прохожий.

Увидев наш пакет, он, конечно, останавливается, радуется и даже от удовольствия потирает себе руки. Ещё бы: он нашёл коробку конфет — это не так-то часто бывает в этом мире.

Затаив дыхание, мы с Лелей смотрим, что будет дальше.

Прохожий нагнулся, взял пакет, быстро развязал его и, увидев красивую коробку, ещё того более обрадовался.

И вот крышка открыта. И наша лягушка, соскучившись сидеть в темноте, выскакивает из коробки прямо на руку прохожего.

Тот ахает от удивления и швыряет коробку подальше от себя.

Тут мы с Лелей стали так смеяться, что повалились на траву.

И мы смеялись до того громко, что прохожий обернулся в нашу сторону и, увидев нас за забором, тотчас всё понял.

В одно мгновение он ринулся к забору, одним махом перепрыгнул его и бросился к нам, чтобы нас проучить.

Мы с Лелей задали стрекача.

Мы с визгом бросились через сад к дому.

Но я запнулся о грядку и растянулся на траве.

И тут прохожий довольно сильно отодрал меня за ухо.

Я громко закричал. Но прохожий, дав мне ещё два шлепка, спокойно удалился из сада.

На крик и шум прибежали наши родители.

Держась за покрасневшее ухо и всхлипывая, я подошёл к родителям и пожаловался им на то, что было.

Моя мама хотела позвать дворника, чтобы с дворником догнать прохожего и арестовать его.

И Леля уже было кинулась за дворником. Но папа остановил её. И сказал ей и маме:

— Не зовите дворника. И не надо арестовывать прохожего. Конечно, это не дело, что он отодрал Миньку за уши, но на месте прохожего я, пожалуй, сделал бы то же самое.

Услышав эти слова, мама рассердилась на папу и сказала ему:

— Ты ужасный эгоист!

И мы с Лелей тоже рассердились на папу и ничего ему не сказали. Только я потёр своё ухо и заплакал. И Лелька тоже захныкала. И тогда моя мама, взяв меня на руки, сказала папе:

— Вместо того, чтобы заступаться за прохожего и этим доводить детей до слёз, ты бы лучше объяснил им, что есть плохого в том, что они сделали. Лично я этого не вижу и всё расцениваю как невинную детскую забаву.

И папа не нашёлся, что ответить. Он только сказал:

— Вот дети вырастут большими и когда-нибудь сами узнают, почему это плохо.

4.МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

«БУТЫЛКА»

Давеча на улице какой-то молодой парнишка бутылку разбил.

Чегой-то он нёс. Я не знаю. Керосин или бензин. Или, может быть, лимонад. Одним словом, какой-то прохладительный напиток. Время жаркое. Пить хочется.

Так вот, шёл этот парнишка, зазевался и трюхнул бутылку на тротуар.

И такая, знаете, серость. Нет того, чтобы ногой осколки с тротуара стряхнуть. Нет! Разбил, чёрт такой, и пошёл дальше. А другие прохожие так, значит, и ходи по этим осколкам. Очень мило.

Присел я тогда нарочно на трубу у ворот, гляжу, что дальше будет.

Вижу — народ ходит по стёклам. Чертыхается, но ходит. И такая, знаете, серость. Ни одного человека не находится общественную повинность исполнить.

Ну что стоит? Ну взял бы остановился на пару секунд и стряхнул бы осколки с тротуара той же фуражкой. Так нет, идут мимо.

«Нет, думаю, милые! Не понимаем мы ещё общественных заданий. Прём по стёклам».

А тут ещё, вижу, кой-какие ребята остановились.

— Эх, говорят, жаль, что босых нынче мало. А то, говорят, вот бы здорово напороться можно.

И вдруг идёт человек.

Совершенно простого, пролетарского вида человек.

Останавливается этот человек вокруг этой битой бутылки. Качает своей милой головой. Кряхтя, нагибается и газетиной сметает осколки в сторону.

«Вот, думаю, здорово! Зря горевал. Не остыло ещё сознание в массах».

И вдруг подходит до этого серого, простого человека милиционер и его ругает:

— Ты что ж это, говорит, куриная голова? Я тебе приказал унести осколки, а ты в сторону сыплешь? Раз ты дворник этого дома, то должен свой район освободить от своих лишних стёкол.

Дворник, бубня что-то себе под нос, ушёл во двор и через минуту снова явился с метлой и жестяной лопаткой. И начал прибирать.

А я долго ещё, пока меня не прогнали, сидел на тумбе и думал о всякой ерунде.

А знаете, пожалуй, самое удивительное в этой истории то, что милиционер велел прибрать стёкла.

.Читать стихотворения в прозе: И.С. Тургенев. "Нищий":

Я проходил по улице... меня остановил нищий, дряхлый старик.

Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны... О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!

Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи.

Я стал шарить у себя во всех карманах... Ни кошелька, ни часов, ни даже платка... Я ничего не взял с собою.

А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку...

— Не взыщи, брат; нет у меня ничего, брат.

Нищий уставил на меня свои воспаленные глаза; его синие губы усмехнулись — и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.

— Что же, брат, — прошамкал он, — и на том спасибо. Это тоже подаяние, брат.

Я понял, что и я получил подаяние от моего брата.

12. Рассказ «Козёл» Тварк Мэн

Выехали мы рано утром. Нас с Фофаном посадили на заднее сиденье и мы стали глядеть в окно.

Ехал папа осторожно, никого не обгонял и рассказывал нам с Фофаном про правила дорожного движения. Не про то, как и где надо переходить дорогу чтобы тебя не переехали. А про то как надо ехать, чтобы самому никого не переехать.

- Видите, трамвай остановился - говорил папа. - И мы должны остановиться, чтобы пропустить пассажиров. А сейчас, когда они прошли можно трогаться. А вот этот знак говорит о том, что дорога будет сужаться и вместо трех полос движения останется только две. Посмотрим вправо, влево и если никого нет, перестроимся.

Мы с Фофаном слушали, глядели в окно и я чувствовал как ноги и руки у меня сами шевелятся. Будто это я, а не папа сидел за рулем.

- Па! - сказал я. - А ты научишь нас с Фофаном машину водить?

Папа немного помолчал.

- Вообще-то это взрослое дело - сказал он. - Вот подрастете немного и тогда обязательно.

Мы стали подъезжать к повороту.

- А вот этот желтый квадрат дает нам право проехать первыми. - сказал папа. - Основная дорога. Светофора нет. Поэтому показываем поворот и...

Выехать до конца он не успел. Слева раздался рев мотора и мимо нашей машины пронеслась черная "десятка". Она вильнула два раза туда-сюда, закрипела тормозами, перегородила нам дорогу и остановилась. Из нее выскочил молодой парень в синей форме и быстро зашагал к нам.

- Ты что-то нарушил?! - испугалась мама. - Тебя сейчас штрафовать будут?

- Желтый квадрат - растерянно сказал папа. - Основная дорога. Ничего я не нарушал! Может он спросить что-то хочет?

Папа опустил стекло, а парень почти бегом подбежал к дверце. Он наклонился и я увидел, что лицо у него злое. Или нет, даже не злое. Он смотрел на нас так, будто мы были самыми главными врагами в его жизни.

- Ты что творишь, козел!?! - заорал он так громко, что мы с Фофаном вздрогнули. - Ты же меня на встречу выгнал! Ну, козел! Тебя кто ездить так учил? Кто, я спрашиваю? Понасадят, блин, за руль козлов! Жалко, я сегодня не на службе, я бы тебе выписал! Чего уставился?

Мы все вчетвером молча смотрели на него, а он все орал и орал через слово повторяя "козел". Потом плюнул на колесо нашей машине и пошел к своей "десятке". На спине у него желтыми буквами было написано ДПС.

Черная "десятка" взвизгнула колесами, рванула с места как ракета и умчалась.

Мы еще немного посидели молча.

- Кто это такой? - спросила мама. - Почему он такой нервный?

- Дурак Потому что Совсем - ответил я. - ДПС. А нервный потому, что ехал быстро и чуть в нас не врезался. Он сам виноват. Мы ехали правильно.

- На моего брата тоже на прошлой неделе наорали - сказал Фофан. - А ДПС это дорожно-патрульная служба.

- Он сам виноват и на нас же наорал? - сказала мама. - Тогда это не ДПС. Это ХАМ.

- А как это переводится? - спросил я.

- Никак - ответила мама. - Хам, он и есть хам.

Папа тронул машину и мы поехали дальше.

- Расстроился? - спросила мама. - Не надо. Ты ведь правильно ехал?

- Да - ответил папа.

- Ну и забудь - сказала мама. - Мало ли хамов на свете. Хоть в форме, хоть без формы. Ну, сэкономили родители на его воспитании. Так это их беда. Он и на них так же, наверное, орет.

- Да - снова ответил папа.

Потом он замолчал и всю дорогу до дачи больше не сказал ни слова.

13.В. Сулов «ПОДЗАТЫЛЬНИК»

Шестиклассник восьмикласснику на ногу наступил.

Случайно.

В столовой за пирожками без очереди полез — и наступил.

И получил подзатыльник.

Отскочил шестиклассник на безопасное расстояние и выразился:

— Дылда!

Расстроился шестиклассник. И про пирожки забыл. Пошёл из столовой прочь.

В коридоре с пятиклассником встретился. Дал ему подзатыльник —полегче стало. Потому как ежели тебе подзатыльник дали, а ты его никому отдать не можешь, то уж очень обидно.

— Сильный, да? — насупился пятиклассник. И в другую сторону по коридору потопал.

Мимо девятиклассника прошёл. Мимо семиклассника проследовал. Встретил мальчишку из четвёртого класса.

И дал ему подзатыльник. По той же самой причине.

Дальше, как вы уже сами догадываетесь, согласно древней поговорке «сила есть — ума не надо», подзатыльник получил третьеклассник. И тоже не стал его держать при себе — второкласснику отвесил.

А второкласснику подзатыльник зачем? Ни к чему вовсе. Шмыгнул он носом и побежал искать первоклассника. Кого же ещё? Не старшим же подзатыльники давать!

Первоклассника мне больше всего жалко. У него положение безвыходное: не бежать же из школы в детский сад драться!

Первоклассник от подзатыльника задумчивым сделался.

Дома его папа встретил.

Спрашивает:

— Ну, что сегодня получил наш первоклассник?

— Да что, — отвечает, — подзатыльник получил. А отметок не ставили.
(Красавин)

Антон Павлович Чехов «ДАЧНИКИ»

По дачной платформе взад и вперёд прогуливалась парочка недавно поженившихся супругов. Он держал её за талию, а она жалась к нему, и оба были счастливы. Из-за облачных обрывков глядела на них луна и хмурилась: вероятно, ей было завидно и досадно на своё скучное, никому не нужное девство. Неподвижный воздух был густо насыщен запахом сирени и черёмухи. Где-то, по ту сторону рельсов, кричал коростель...

— Как хорошо, Саша, как хорошо! — говорил жена.— Право, можно подумать, что всё это снится. Ты посмотри, как уютно и ласково глядит этот лесок! Как милы эти солидные, молчаливые телеграфные столбы! Они, Саша, оживляют ландшафт и говорят, что там, где-то, есть люди... цивилизация... А разве тебе не нравится, когда до твоего слуха ветер слабо доносит шум идущего поезда?

— Да... Какие, однако, у тебя руки горячие! Это оттого, что ты волнуешься, Варя... Что у нас сегодня к ужину готовили?

— Окрошку и цыплёнка... Цыплёнка нам на двоих довольно. Тебе из города привезли сардины и балык.

Луна, точно табуку понюхала, спряталась за облако. Людское счастье напомнило ей об её одиночестве, одинокой постели за лесами и долами...

— Поезд идёт!— сказала Варя. — Как хорошо!

Вдали показались три огненные глаза. На платформу вышел начальник полустанка. На рельсах там и сям замелькали сигнальные огни.

— Проводим поезд и пойдём домой, — сказал Саша и зевнул.— Хорошо нам с тобой живётся, Варя, так хорошо, что даже невероятно!

Тёмное страшилище бесшумно подползло к платформе и остановилось. В полуосвещённых вагонных окнах замелькали сонные лица, шляпки, плечи...

— Ах! Ах! — послышалось из одного вагона.- Варя с мужем вышла нас встретить! Вот они! Варенька!.. Варечка! Ах!

Из вагона выскочили две девочки и повисли на шее у Вари. За ними показались полная, пожилая дама и высокий, тощий господин с седыми бачками, потом два гимназиста, навьюченные багажом, за гимназистами гувернантка, за гувернанткой бабушка.

— А вот и мы, а вот и мы, дружок!— начал господин с бачками, пожимая Сашину руку. — Чай, заждался! Небось бранил дядю за то, что не едет! Коля, Костя, Нина, Фифа... дети! Целуйте кузена Сашу! Все к тебе, всем выводком,

и денька на три, на четыре. Надеюсь, не стесним? Ты, пожалуйста, без церемонии.

Увидев дядю с семейством, супруги пришли в ужас. Пока дядя говорил и целовался, в воображении Саши промелькнула картина: он и жена отдают гостям свои три комнаты, подушки, одеяла; балык, сардины и окрошка съедаются в одну секунду, кузены рвут цветы, проливают чернила, галдят, тётушка целые дни толкуют о своей болезни (солитёр и боль под ложечкой) и о том, что она урождённая баронесса фон Финтих...

И Саша уже с ненавистью смотрел на свою молодую жену и шептал ей:

— Это они к тебе приехали... чёрт бы их побрал!

— Нет, к тебе! — отвечала она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой. —

Это не мои, а твои родственники!

И обернувшись к гостям, она сказала с приветливой улыбкой:

— Милости просим!

Из-за облака опять выплыла луна. Казалось, она улыбалась; казалось, ей было приятно, что у неё нет родственников. А Саша отвернулся, чтобы скрыть от гостей своё сердитое, отчаянное лицо, и сказал, придавая голосу радостное, благодушное выражение: — Милости просим! Милости просим, дорогие гости!